

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024060067

М. Горький и В. Васнецов: неизвестное об известном

© 2024 г. Н. Н. Примочкина

Доктор филологических наук,
главный научный сотрудник
Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
ORCID ID: 0000-0002-5536-7657
nprim47@yandex.ru

Резюме. В статье проведено научное исследование неопубликованной переписки М. Горького и В.М. Васнецова и других архивных источников, которое позволило по-новому взглянуть на сложные, даже конфликтные личные и творческие отношения двух крупнейших деятелей русской художественной культуры конца XIX – начала XX в. Найденные документы, несмотря на их частный характер, поднимают главные вопросы человеческого бытия, веры и религии. В то же время они свидетельствуют о глубоком идеином и политическом расколе российского общества накануне революции, в том числе его художественной элиты. Показано, что Горький с молодых лет восхищался ярким талантом Васнецова-художника, пафосом его картин, воспевающих богатырскую силу и непобедимый дух русского народа. Васнецов тоже с большим интересом отнесся к молодому, но уже известному писателю – выходцу из народа. Но начавшаяся между ними в 1900 г. переписка сразу выявила непреодолимую пропасть в их религиозных и общественно-политических взглядах. Особенно отчетливо это проявилось в отношении к национальному гению России – Л.Н. Толстому и его конфликту с русской православной церковью. Поэтому дружеские отношения писателя и художника, начавшиеся весной 1900 г. с взаимной искренней симпатии, продлились недолго и уже осенью того же года были, судя по всему, прекращены.

Ключевые слова: М. Горький, В.М. Васнецов, переписка, личные отношения, творчество, Л.Н. Толстой, вера, православие, политические взгляды.

Для цитирования: Примочкина Н.Н. М. Горький и В. Васнецов: неизвестное об известном // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 6. С. 71–80. DOI: 10.31857/S1605788024060067

M. Gorky and V. Vasnetsov: the Unknown about the Known

© 2024 Natalia N. Primochkina

Doct. Sci. (Philol.),
Head Researcher at the A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russia
ORCID ID: 0000-0002-5536-7657
nprim47@yandex.ru

Abstract. A scientific study of unpublished correspondence between M. Gorky and V.M. Vasnetsov and other archival sources has been conducted, which allowed a new look at the complex, even conflicting personal and creative relationships of two major figures of Russian artistic culture of the late 19th – early 20th centuries. The documents found, despite their private nature, raise the main questions of human existence, faith and religion. At the same time, they testify to the deep ideological and political split of Russian society on the eve of the revolution, including its artistic elite. It is shown that Gorky admired the bright talent of Vasnetsov,

the artist, from a young age, the pathos of his paintings, praising the heroic strength and invincible spirit of the Russian people. Vasnetsov also took great interest in the young, but already well-known writer – a native of the people. But the correspondence that began between them in 1900 immediately revealed an insurmountable gap in their religious and socio-political views. This was especially clearly manifested in the attitude towards the national genius of Russia – L.N. Tolstoy and his conflict with the Russian Orthodox Church. Therefore, the friendly relations between the writer and the artist, which began in the spring of 1900 with mutual sincere sympathy, did not last long and, apparently, were interrupted in the autumn of the same year.

Key words: M. Gorky, V.M. Vasnetsov, correspondence, personal relationships, creativity, L.N. Tolstoy, faith, Orthodoxy, political views.

For citation: Primochkina, N.N. *M. Gorkij i V. Vasnecov: neizvestnoe ob izvestnom* [M. Gorky and V. Vasnetsov: the Unknown about the Known]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 6, pp. 71–80. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024060067

При обращении к обширному творческому наследию Горького бросается в глаза его глубокий и постоянный интерес к изобразительному искусству и музыке. По складу своего таланта и особенностям мировосприятия Горький тяготел к синтезу искусств, он ощущал окружающий мир как пронизанную светом и звуками грандиозную музыкально-цветовую симфонию. Именно поэтому на писателя произвело такое удручающее впечатление его первое знакомство с новым искусством XX столетия – черно-белым немым кино, в котором мир представлял лишенным красок и звуков. В статье 1896 г. «Синематограф Люмьера» он писал об этом: «...воображение переносит вас в какую-то неестественно однотонную жизнь, жизнь <...> людей, у которых отняли все краски жизни, все ее звуки, а это почти все ее лучшее...» [1, т. 23, с. 244].

В июне 1917 г. Горький писал о тесной взаимосвязи всех видов русского искусства, образующих нерушимую целостность российской культуры: «...В области искусства, в творчестве сердца русский народ обнаружил изумительную силу, создав при наличии ужаснейших условий прекрасную литературу, удивительную живопись и оригинальную музыку, которой восхищается весь мир. Замкнуты были уста народа, связаны крылья души, но сердце его родило десятки великих художников слова, звуков, красок. Гигант Пушкин <...>, волшебник Глинка и прекрасный Брюллов, беспощадный <...> Гоголь, тоскующий Лермонтов, грустный Тургенев, гневный Некрасов, великий бунтовщик Толстой и больная совесть наша – Достоевский; Крамской, Репин, неподражаемый Мусоргский, Лесков <...> и, наконец, великий лирик Чайковский и чародей языка Островский <...>. Все это грандиозное создано Русью менее чем в сотню лет. Радостно, до безумной гордости волнует не только обилие талантов, рожденных

Россией в XIX веке, но и поражающее разнообразие их, – разнообразие, которому историки нашего искусства не отдают должного внимания» [1, т. 24, с. 184].

Как большому художнику Горькому было свойственно ассоциативное, метафорическое мышление. Чаще всего писатель уподоблял словесное искусство скульптуре и живописи. В неопубликованном письме 1900 г. В.М. Васнецова (речь о нем пойдет ниже) писатель сообщал, например, о том, как Л.Н. Толстой рассказывал содержание своего рассказа «Отец Сергий»: «...ну прямо не говорит человек, а лепит, красками пишет! Удивительно это!» (Частное собрание). То же самое Горький не раз повторял на протяжении жизни во многих статьях и письмах. Например, в предисловии 1914 г. к «Сборнику пролетарских писателей» он писал: «Работа литератора крайне трудна: писать рассказы о людях не значит просто «рассказывать», это значит – рисовать людей словами, как рисуют их кистью или карандашом» [1, т. 24, с. 171].

Писатель дружил со многими художниками-современниками, встречался и переписывался с И.Е. Репиным, В.М. Васнецовым, В.А. Серовым, М.В. Нестеровым, Б.М. Кустодиевым, Д.Д. Бурлюком, Б.Д. Григорьевым, П.Д. Кориным и др. По верному замечанию И.А. Бродского, «тесная дружба А.М. Горького с художниками, длившаяся всю его долгую творческую жизнь, является собой высокий пример деятельной взаимосвязи двух искусств, их постоянного содружества» [2, с. 5].

Хотя тема «Горький и изобразительное искусство», казалось бы, лежит на поверхности, является для исследователей благодатной и плодотворной, заметно, что личные и творческие взаимоотношения писателя с художниками

изучены очень неравномерно и в целом явно недостаточно. Например, его длительным дружеским связям с Репиным посвящено целое монографическое исследование И.С. Зильберштейна «Репин и Горький» (М.; Л: Искусство, 1944). В 1964 г. в московском издательстве «Искусство» вышла книга «Горький и художники», в которую вошли отрывки из воспоминаний художников о Горьком, его избранная переписка с ними и несколько статей об отношениях Горького с Серовым, Кустодиевым, молодыми художниками-«каприйцами», финскими художниками и художниками Палеха.

Однако аналогичные сюжеты с другими художниками, такими, например, как В.М. Васнецов, до сих пор оставались «в тени». Отчасти это можно объяснить тем обстоятельством, что для их освещения до недавнего времени не было достаточно источниковедческой базы, не хватало фактического материала. Неоднократные заявления исследователей о дружбе, соединявшей писателя и художника, подкреплялись, в сущности, единственной растиражированной цитатой из письма Горького А.П. Чехову, в котором писатель называл Васнецова «огромным поэтом» и желал ему «бессмертия» [3, т. 2, с. 59].

Положение изменилось не так давно, когда удалось обнаружить два ранее не известных письма Горького Васнецову. Эта неожиданная находка стимулировала дальнейшие поиски, в результате которых в московском архиве писателя были найдены два также не известных ранее письма Васнецова Горькому. Эта небольшая по объему, но идейно очень насыщенная и эмоционально яркая переписка нуждается в том, чтобы прокомментировать ее содержание, «расшифровать» смысл некоторых ее «загадочных», на первый взгляд, сюжетных линий. Надеемся, что научное исследование этой переписки, а также привлечение дополнительных архивных материалов и новейших исследований о жизни и творчестве как Горького, так и Васнецова, позволит по-новому, без хрестоматийного глянца взглянуть на сложные, даже конфликтные личные и творческие отношения двух крупнейших деятелей русской художественной культуры конца XIX – начала XX в.

Личное знакомство Горького с Васнецовым состоялось в мае 1900 г. В это время художник с дочерью Татьяной приехал в Ялту, чтобы навестить больного туберкулезом сына Алексея. Там он познакомился и подружился с Горьким, отыгравшим в Крыму с женой Е.П. Пешковой и сыном Максимом. Видимо, знакомство произошло в доме доктора Л.В. Средина, с которым был

дружен Горький и у которого в это время лечился сын Васнецова.

Васнецов в это время был уже широко известным художником, зрелым мастером, действительным членом Петербургской академии художеств, автором не только знаменитых картин на исторические и былинные сюжеты «Витязь на распутье» (1882), «Царь Иван Васильевич Грозный» (1897), «Богатыри» (1898) и др., но и прославивших его религиозных росписей Владимирского собора в Киеве. Определяя место художника в истории русского изобразительного искусства, Н.А. Ярославцева пишет: «Имя Виктора Михайловича Васнецова стоит в одном ряду с именами И.Е. Репина и В.И. Сурикова, олицетворяющими высшие достижения русского реалистического искусства. Все они мечтали о создании большого национального стиля, но каждый шел к этой цели своим путем: Репин совершенствовал мастерство портретного искусства и жанровой композиции, Суриков разрабатывал исторические темы, а Васнецов избрал фольклорно-эпическое направление» [4, с. 6].

Хорошо знакомый с творчеством Васнецова, ставивший его на одно из первых мест среди современных живописцев, высоко отзывавшийся о художнике в газетных статьях и фельетонах с Всероссийской торгово-промышленной и художественной выставки 1896 г. (см: [1, т. 23, с. 164, 169, 195, 253]), Горький, видимо, был очень рад новому знакомству. К этому времени относится единственная сохранившаяся совместная фотография писателя и художника. На скамейке сидят Средин, Горький, Васнецов и доктор А.Н. Алексин. Васнецов, не глядя на Горького, по памяти рисует его портрет, а тот шутливо пытается подсмотреть за работой художника (см.: [5, на вклейке между с. 16–17]). Видимо, в эти же дни писатель и художник обменялись подарками. Васнецов подарил Горькому свою фотокарточку, на которой написал: «Дорогому Алексею Максимовичу Пешкову – с верою в его великое творчески плодотворное будущее – Виктор Васнецов. 1900 г. 17 мая. Ялта» [6, с. 145]. Горький, в свою очередь, подарил Васнецову свой фотопортрет с яркой, образной надписью, выражавшей особое отношение молодого писателя к маститому художнику, автору знаменитых «Богатырей»: «От калики переходящего М. Горького богатырю русской живописи Виктору Михайловичу Васнецову на память» [7, с. 269].

В конце мая 1900 г. Горький уговорил Чехова, проживавшего в это время в Ялте, а также своего нового знакомого Васнецова и двух своих друзей, докторов Алексина и Средина, поехать

на Кавказ, чтобы полюбоваться красотами его величественной природы. Васнецов писал 27 мая 1900 г. в Москву своей супруге, А.В. Васнецовой: «Горький с таким неподдельным энтузиазмом ко мне относится, что даже совестно. Собирался даже со мной на Кавказ...» [4, с. 174]. 28 мая началось это увлекательное путешествие. 31 мая Васнецов писал жене уже из Владикавказа: «Компания моя <...> отборная: Чехов, Горький, Средин, Алексин...» [4, с. 174]. 3 июня путешественники были в Тифлисе (Тбилиси). 7 июня в грузинской газете «Иверия» (№ 120) сообщалось: «Выдающиеся русские писатели Антон Павлович Чехов и Максим Горький (А. Пешков) в настоящее время находятся в Тифлисе. Они остановились в “Северных номерах”. Там же остановился <...> художник Васнецов» (цит. по: [6, с. 273]). 7 или 8 июня Горький уехал с Васнецовым из Тифлиса по Военно-Грузинской дороге через Владикавказ в Новороссийск, где они встретились с Чеховым и Срединым. Позже об этой поездке вспоминала жена Горького Е.П. Пешкова: «...Антон Павлович участвовал в поездке на Кавказ, на которую его вдохновил Алексей Максимович своими восторженными рассказами о величественных красотах Кавказа. В этой поездке участвовали, кроме Алексея Максимовича и Антона Павловича, — Виктор Михайлович Васнецов, доктор Александр Николаевич Алексин и Леонид Валентинович Средин. 11 июня 1900 г. они вернулись из этой поездки...» [7, с. 614].

Осенью того же года, когда в Московском художественном театре начался новый сезон, Горький зачастил из Нижнего Новгорода в Москву. В один из дней своего пребывания с 24 по 29 сентября в древней столице он посетил дом Васнецова (в настоящее время в этом доме располагается мемориальный музей художника). Посмотрев работы художника, среди которых было много еще не законченных, никогда не выставлявшихся, Горький в начале октября 1900 г. описал свои восторженные впечатления от увиденного в письме своему другу и постоянному корреспонденту Чехову: «Васнецов — кланяется Вам. Все больше я люблю и уважаю этого огромного поэта. Его Баян — грандиозная вещь. А сколько у него еще живых, красивых, мощных сюжетов для картин! Желаю ему бессмертия» [3, т. 2, с. 59].

Создавая упомянутое Горьким эпическое полотно «Баян», Васнецов вдохновлялся знаменитым памятником древнерусской литературы — «Словом о полку Игореве». На картине изображена дружины русских воинов в доспехах, после очередной битвы отдыхающих на высоком

зеленом холме вместе с князем Игорем. Воины задумчиво слушают вдохновенную песнь слепого и вещего старца Баяна, играющего на гусях. Полотно было закончено художником только в 1910 г., но Горький еще в 1900 г., в неоконченном, эскизном варианте картины проницательно разглядел ее мощный патриотический пафос и высокое поэтическое звучание образов, оценил мастерство ее композиции и стиля.

Уже через неделю после своей сентябрьской поездки в Москву Горький снова уехал из Нижнего Новгорода. На этот раз он отправился в Ясную Поляну на встречу с Л.Н. Толстым и провел целый день, 8 октября 1900 г., в беседе с великим писателем. Свои незабываемые впечатления от этой поездки он поспешил выразить в письмах Чехову и своему новому другу Васнецову. 11 или 12 октября Горький писал Чехову: «Был в Ясной Поляне. Увез оттуда огромную кучу впечатлений, в коих и по сей день разобраться не могу <...> Статьи Льва Николаевича “Рабство нашего времени”, “В чем корень зла?” и “Не убий” — произвели на меня впечатление наивных сочинений гимназиста. Так все это плохо, так ненужно, однообразно и тяжело, и так не идет к нему. Но когда он, Л.Н., начал говорить о Мамине <писателе Д.Н. Мамине-Сибиряке. — Н.П.> — это было чорт знает как хорошо, ярко, верно, сильно! И когда он начал передавать содержание “Отца Сергия” — это было удивительно сильно, и я слушал рассказ, ошеломленный и красотой изложения, и простотой, и идеей. И смотрел на старика, как на водопад, как на стихийную творческую силищу. Изумительно велик этот человек, и поражает он живучестью своего духа, так поражает, что думаешь — подобный ему — невозможен. Но — и жесток он! В одном месте рассказа, где он с холодной яростью Бога повалил в грязь своего Сергея, предварительно измучив его, — я чуть не заревел от жалости. Лев Толстой людей не любит, нет. Он судит их только, и судит жестоко, очень уж страшно. Не нравится мне его суждение о Боге. Какой это Бог? Это частица графа Льва Толстого, а не Бог, тот “Бог, без которого жить людям нельзя”. Говорит он, Л.Н., про себя: я анархист. Отчасти, да. Но, разрушая одни правила, он строит другие, столь же суровые для людей, столь же тяжелые, — это не анархизм, а губернаторство какое-то. Но все сие покрывает “Отец Сергий”» [3, т. 2, с. 61, 62].

Это письмо Чехову было давно известно специалистам по русской литературе. А вот письмо Горького Васнецову, написанное, видимо, в тот же день, 11 или 12 октября 1900 г., до сих пор не было введено в научный обиход. Начинается оно

с извинений Горького за то, что не смог послать адресату обещанные, видимо, во время сентябрьского визита к художнику яблоки сорта хорошиавка (джонатан). Оправдываясь, писатель тут же создает портрет хитрого, «себе на уме» русского мужичка, торгующего яблоками на базаре, готового при всяком удобном случае обмануть горожанина-покупателя:

Виктор Михайлович!

Прежде всего – здравствуйте! Крепко пожимаю Вашу славную руку и желаю всяческого благополучия, крепости телесной, бодрости духовной.

А с хорошиавкой у меня неустойка вышла – оказалось, что это яблоко из ранних и по приезде в Нижний мы его не нашли уже на базарах. Обещал один мужичонко привести – обманул. Мужики затем и существуют, – как Вы знаете, – чтобы писателей надувать, – покажется писателю-то одним боком, тот его напишет, – хвать, ан не весь мужик! И этот тоже меня надул. Я же, положившись на его обещание, еще промедлил. Так без хорошиавки и сели мы. Но однако жена нашла чего-то, что, говорит она, на эту хорошиавку похоже. Нашла и послала – прилагаю бумажку на получение сих яблоков и прошу – не ругайтесь, коли кислые будут.

Вслед затем Горький поделился с Васнецовым своими впечатлениями о встрече с Толстым:

Был я недавно у Льва Николаева Толстого, целый день провел у него. Велик человек! 73 ему года, а он через канавы козлом прыгает, чортом на кулачки дерется и все думает, все творит неустанно, неиссякаемо и могуче. С Богом только он больно уж легко обращается и слабо определяет Его. Определять-то бы и совсем не нужно, а он все тщится. «Бог» – говорит – «это мое желание, то, чего я желаю». Ну, знаете, с таким богом высоко не взлетите, хотя с ним и орлом сесть можно.

Вообще, на Льва Николаевича гораздо приятнее и поучительнее смотреть, чем слушать его. Поучительнее видеть его, чем слышать. Неугасимая мысль его хотя и ошибочна порой, – а все же живая, смелая мысль. Красив источник – можно и не пить из него.

Когда он философствует, – Лев-то Николаевич, – скучновато слушать, говоря по совести. Но когда он *о своем искусстве* – литературе говорит – век бы слушал! Рассказывал он содержание романа, который хочет писать – «Отец Сергий» называется, – ну прямо не говорит человек, а лепит, красками пишет! Удивительно это! Какая огромная творческая способность и как жаль, что он философствует порой, как жаль!

Знаете – его можно в одно время и любить до безумия и – очень, очень не любить.

Как видим, эта центральная часть письма весьма близка по содержанию и даже по стилю к письму Горького Чехову. В обоих письмах уже отмечено главное противоречие характера, личности и творчества Толстого – противоречие между его религиозно-этическим учением и его гениальным искусством слова. Позже именно на этом неразрешимом противоречии Горький

построил образ Толстого, создавая в 1919–1923 гг. свой знаменитый литературный портрет русского национального гения. (Подробнее о мемуарном очерке Горького «Лев Толстой» см.: [9, с. 35–48]).

Наконец, в третьей, последней части письма Горький резко осуждал русскую церковь за то, что она отлучила Толстого и запретила хоронить его по православному обряду:

А что его хоронить по обряду не хотят – нехорошо и даже – позорно для нас! Воров хоронят, казнокрадов, мерзавцев, а человека, который честно разногласит – нельзя! Возмутительно! Можно ли людям запрещать думать и говорить о Боге свободно, как хотят они? Нельзя; лишь бы о Боге говорили, лишь бы о Нем, о смысле жизни думали, о совершенствовании бытия своего, о душе своей. Верно?

Пока до свидания, Виктор Михайлович. За яблоки извиняюсь. Ей Богу, хотелось угодить Вам, да не пришлось. Семейству всему – поклон низкий. Вам же – всего, всегда доброго.

А. Пешков

Нижний, Канатная, д. Лемке (Частное собрание).

Именно эта, последняя часть письма Горького вызвала у Васнецова особенно резкую ответную реакцию. Родившийся и выросший в семье потомственного православного священника, ученик Вятского духовного училища, а затем Вятской духовной семинарии, художник всю жизнь твердо стоял на позициях русской православной церкви. Испытывая искреннюю симпатию к молодому талантливому писателю из народа, дорожа дружбой с ним, Васнецов тем не менее не мог поступиться своими главными жизненными принципами, своей верой. Поэтому посчитал необходимым со всей прямотой высказаться по затронутым Горьким, очень болезненным для художника вопросам веры, религии, православной церкви:

Москва, 1900 г. 22 окт.

Приветствуя Вас, Дорогой и Славный, Алексей Максимович!

За яблоки великое спасибо. Хоть и не хорошиавка, а хороши! О хорошиавке же будем мечтать до следующей осени. Катерине Павловне за хлопоты наше особливое семейное спасибо!

Написать я сгоряча хотел Вам очень много, особенно по поводу нашего славного богатыря Льва Толстова, да приходится покуда ограничиться этой маленькой цицундой. Писать (и говорить) о нем нужно много и будут впоследствии говорить еще больше. Он, Лев Толстой составляет для меня, в частности, как русского человека – великое душевное горе! Эта великая сила оторвалась и отслоилась от великой русской души и не слилась с ней! Господи, я и представить не могу, какие бы великие плоды родились, если бы сила эта не откололась от Руси!

Как художник он навсегда велик. Как ни искажалась, ни коверкалась в нем истина мышления, но художник остался и останется цел. Его «Воскресение» я

не ставлю в счет — это, по моему простецкому взгляду, просто неудачная вещь. У кого их не бывает?! Но его учительская сторона, увы, страшное непонятно-поверхностное искажение истины! Говорить 70-летнему старцу такую мальчишески непродуманную мысль — «Бог — мое желание, то, чего я желаю» — даже немного стыдно делается... Как ни превращай «желание» в отвлечение и обобщение, а Бог выйдет крайне ограниченный и ... иногда даже некрасивый... И, конечно уж, этот бог, или скорее божок, будет совсем языческий.

Конечно, нас возмущает мысль, что такого великого художника будут хоронить «без церковного пенья, без ладана...»¹ Да как же быть-то Церкви, Алексей Максимович? Ведь сам Толстой изверг себя из церкви, сам всей силой, всею жизнью своей отрицается от нее! Если бы православное духовенство вздумало по своим обрядам хоронить католиков, протестантов, магометан, что бы они сами сказали? Они бы возмутились до глубины души. Презирали бы нас! Человек отвергает все таинства, всю сплошь обрядность, все главные догматы, издается, осмеивает православную церковь. А она, ничтоже сумняся, будет хоронить его по этим самым, осмеиваемым им обрядам? Церковь тогда, значит, совсем себя уже не уважает. Ведь церковь на земле — есть общество одинаково верующих. Ближним я могу считать всякого иноверца, но Христианином Православным — только принадлежащего к Христовой Православной Церкви. У Церкви (в данном случае Православной) есть свои церковные вековые правила, каноны, нарушать которые она не вправе, если уважает себя, ради мелких соображений, житейских удобств, вежливости ходячей и галантности. Наших, теперешних церковников скорее можно упрекнуть в противном, т.е. в чрезчур большой склонности к светским уступкам и компромиссам. Даже нужно удивляться, как это они решились не попустить. При этом нужно иметь в виду, что, вероятно, Толстому предложено, или будет предложено, во избежание скандала — исповедаться. Тогда Церковь с полным правом и готовностью примет его снова к себе.

Разбойника и мошенника церковь считает (конечно, христианина) согрешившим и, если он раскается, не отвергает его и примиряет с Богом, хотя бы гражданский суд, по справедливости, его казнил. Христос на кресте простил раскаявшегося разбойника, грешника! (Левый разбойник остался нераскаянным и прощения не получил). Или верить в церковь и к ней принадлежать всецело, или же уж не стоит хлопотать об обрядах, в таком случае, не имеющих существенного смысла. Снявши голову, по волосам смешно плакать. Конечно, обидно, что Толстого просто закопают, а не похоронят по православному церковному обычаю — обидно это, тяжело и грустно... но виновата не церковь! Если бы можно убедить Толстого исповедаться — Сила Таинства так велика, что, допустив его только формально, Лев Толстой был бы весь потрясен душой, а это — всё! Я бы через всю Москву полз на коленах, молить его... но, увы, кажется, ничто не поможет! Если бы церковь (люди) по слабости допустила церковное погребение без покаяния, тогда его сочинения религиозные обличили бы ее!

Простите, что так всё прямо говорю без утайки — может оно кажется жестоко и бессердечно. Но как же

быть? Так веруется. Всякие сантинталые попустительства наши привели нас не к «смягчению» нравов, а к «размягчению».

Ну, после еще поговорим.

Я Вами так заинтересовался и полюбил, что желаю, чтобы Вы меня не представляли другим, а — таким, какой я есть.

Для Вас готовится мой альбом картин². Если Вы скоро будете в Москве, то передам Вам его лично, а то перешлю по почте.

Сердечный привет и поклон от всех нас Вам и Екатерине Павловне — спасибо за хлопоты — целую Вас и обнимаю.

Ваш — В. Васнецов (Архив А.М. Горького ИМЛИ РАН, КГ-ди 2-10-1).

В горьковском архиве сохранился конверт этого письма с написанным рукой Васнецова адресом писателя: «Нижний Новгород. Его Высокородию Алексею Максимовичу Пешкову. Канатная ул., д. Лемке».

Человек очень чуткой душевной организации, Горький, думается, сразу же понял из письма Васнецова, какая огромная идеологическая и духовная пропасть отделяет его от художника. Он сам в юности был отлучен от церкви за попытку самоубийства, не любил традиционное православие и, понимая необходимость для русского народа религиозной веры, вскоре примкнул к «богостроительству», начал изобретать новую религию, обожествляя народ, его коллективную духовную энергию. Возможно, ответное письмо Васнецова стало началом конца прежних душевных, дружеских отношений писателя и художника. Впрочем, вполне вероятно, что Горький прочитал это письмо позже, уже после своего приезда 4 ноября 1900 г. из Москвы, куда он отправился 25 октября для встречи с Чеховым, приехавшим в это время в Москву из Ялты. Горький и Чехов проводили целые дни вместе, почти каждый вечер смотрели спектакли в Московском художественном театре. 2 ноября они должны были вместе посетить Васнецова. Чехов писал доктору Средину 1 ноября: «Я в Москве <...> Здесь Горький. Я и он почти каждый день бываем в Художественном театре <...> Завтра оба идем к Васнецову» [10, с. 136].

Возможно, уже во время этого визита окончательно выяснилась непримиримость идейных и общественно-политических позиций писателя и художника, а прочтенное Горьким по возвращении из Москвы письмо Васнецова

¹ Стока из стихотворения Н.А. Некрасова «Похороны» (1860).

² Речь идет об альбоме «Виктор Васнецов. Картины», который был выпущен в Москве в 1900 г. типографом А.И. Мамонтовым, братом С.И. Мамонтова.

только еще больше усилило осознание им этой непримиримости.

Как совладелец и редактор издательства «Знание» Горький мог также обидеться на то, что Васнецов без всякого энтузиазма отнесся к просьбе директора этого издательства К.П. Пятницкого нарисовать обложку для книжной серии «Дешевая библиотека». В ответ на сообщение Пятницкого о том, что Васнецов согласился только «подобрать рисунок из типографских украшений, которые будут ему присланы» [3, т. 2, с. 295], Горький написал издателю 15 ноября 1900 г., отводя кандидатуру художника: «Обложку для народных изданий, м.б., кто-нибудь нарисует другой? Напр. – Репин? Если будете просить его об этом – сообщите мне, и я напишу ему» [3, т. 2, с. 68].

В то же время Горький, видимо, продолжал высоко ценить Васнецова как художника, одного из «столпов» русской реалистической живописи и противника салонного искусства с его нарочитой красивостью. Например, в письме от 22 апреля 1901 г. Е.П. Пешковой, пославшей арестованному писателю в тюрьму, среди прочего, домашнее варенье, Горький грустно пошутил: «...варенье в тюрьме столь же неуместно, как был бы неуменстен розовый ангелочек на картине Васнецова» [3, т. 2, с. 130].

Дальнейшие политические события в России, особенно трагические события первой русской революции 1905 г., еще дальше развели писателя и художника, сделали их идейными и политическими врагами. В дни революционной борьбы они оказались по разные стороны баррикад. Горький готовил революцию и активно участвовал в ней, был идейным вождем, знаменем восставших. Васнецов встал на сторону монархической власти, публично выступил против революционно настроенных студентов. Когда учащиеся Академии художеств устроили революционный митинг в залах, где в это время были выставлены религиозные полотна Васнецова, тот в знак протesta подал прошение о выходе из членов этой академии. В кровавой революционной схватке Васнецов оказался не на стороне многочисленных жертв среди восставших, а на стороне усмиравших их солдат и жандармов, среди которых было тоже немало убитых и раненых.

В советское время эта общественно-политическая сторона жизни и творчества художника, его монархические взгляды и симпатии тщательно скрывались, замалчивались. Советская власть не хотела «терять» знаменитого живописца, прославлявшего своим творчеством могучий дух и богатырскую силу русского народа.

О монархических убеждениях Васнецова, о его активном участии в реакционной монархической организации «Союз русского народа» стало известно только в «послеперестроечное» время (см. об этом подробнее: [11]).

Разумеется, для Горького подобная деятельность Васнецова была абсолютно неприемлема, и он, кажется, постарался вычеркнуть имя художника из своей памяти. В дальнейшем мы почти не встретим каких-либо развернутых упоминаний о Васнесове ни в статьях, ни в письмах Горького. В его личной библиотеке, где хранятся сотни книг о русском и мировом изобразительном искусстве, нет ни одной о творчестве Васнецова. Нет там и того альбома с работами художника, который Васнецов в своем письме обещал прислать Горькому в подарок.

Но вернемся назад, к осени 1900 г. Еще не получив ответа Васнецова на свое первое письмо, Горький 18 октября снова обратился к художнику с посланием весьма загадочного содержания, «расшифровка» которого потребовала от нас дополнительных разысканий и исследований. Приводим его полный текст:

Виктор Михайлович!

Товарищ мой, недавно склонивший свою жену, хотел бы поставить в часовне над ее могилой копию Богоматери Вашей.

Скажите, будьте добры, – возможно ли снять копию?

Не можете ли Вы рекомендовать одного из учеников Ваших, человека более других способного передать красоту и душу подлинника?

Сколько, приблизительно, может стоить такая копия в рост человека величиной или немного мене?

И – может ли картина, масляной краской писанная, держаться, не портясь, в холодной часовне?

За ответами на все сии вопросы – два из них – глупы, как я чувствую, – я явлюсь к Вам числа 26-го – 27-го и, пожалуй, с Антоном Павловичем. А пока – кланяюсь Вам и всем Вашим.

А. Пешков. (Частное собрание).

Дата этого коротенького письма установлена по почтовому штемпелю на конверте. Конец послания более-менее ясен. Узнав, что Чехов скоро приедет из Ялты в Москву и направляясь вскоре туда же, Горький сообщал Васнецову, что он собирается вместе с Чеховым нанести визит художнику. Однако вся первая часть письма вначале оставалась загадкой. Работа в московском архиве писателя с неопубликованными документами и внимательное чтение уже опубликованных писем Горького, относящихся к тому же времени, – все это помогло в конце концов «расшифровать» его смысл.

Изображение Богоматери с младенцем, речь о котором идет в письме, – это одна из самых известных работ Васнецова, созданная им для абысиды Владимирского собора в Киеве.

Что касается упомянутой в письме «недавно» умершей молодой женщины, ее личность удалось установить, читая письма Горького Чехову. Речь идет о Зинаиде Карловне Смирновой, дочери хорошей знакомой Горького в Самаре, Марии Сергеевны Позерн, которой писатель посвятил второй том своей первой, сделавшей его знаменитым, книги «Очерки и рассказы» (1898). О самарском периоде жизни Горького и его дружбе с семьей Позернов позже вспоминала В.В. Карасик: «В Самаре была семья Позерн – Карл Карлович, присяжный поверенный, и его жена Марья Сергеевна <...> Горький очень полюбил эту семью, влюбился в красавицу дочь – Зинаиду Карловну и до самой смерти вспоминал о ней, как о святой женщине» [3, т. 2, с. 286].

О тяжелой болезни З.К. Смирновой Горький писал Чехову в середине сентября 1900 г. из Нижнего Новгорода, после возвращения из Москвы:

... видел в Москве вещи ужасно грустные <...>. Видел я, например, женщину редкой духовной и телесной красоты, давно я ее знаю – дивная женщина! И вот она уже девятый месяц лежит в постели полумертвавая и полуумная от того, что жизнь – грязна, лжива и нет в ней места для хороших людей. Женщина эта заболела от того, что огромная масса других женщин сносит легко, – от несоответствия мечты с действительностью. Жалко мне ее так – что если б надо было убить человека для ее здоровья и счастья – я бы и убил [3, т. 2, с. 56].

А в начале октября 1900 г., вернувшись из очередной поездки в Москву, Горький сообщил тому же Чехову уже о смерти Зинаиды Карловны:

Я поехал в М^{оскву} под таким впечатлением: за два дня до отъезда <...> получил телеграмму из Мос.: «Зина скончалась». Зина – это чудная женщина, мать четверых детей, дочь той барыни Позерн, которой я посвятил одну свою книжку. Это был человек кристально чистой души. <...> Она прохорала девять месяцев и 7 дней. Все время она лежала в постели, и ее перекладывали на простынях. У нее было воспаление всей нервной системы, что-то произошло с ганглиями – это возможно? Болело у нее все – кости, кожа, мускулы, ногти, волосы. За семь минут до смерти она сказала: «Я скоро умру – слава Богу! Не говорите детям о том, что я умерла, в продолжение года, умоляю вас». И умерла. Я ее любил. Пять лет тому назад я думал, что без нее не сумею жить. А теперь – по приезде в Москву, – я проводил ее тело от Смоленского рынка до Курского вокзала и – поехал в театр смотреть «Снегурочку» [3, т. 2, с. 59–60].

Изучая письма родственников Зинаиды Карловны, удалось установить точную дату ее

смерти: 21 сентября 1900 г. Через два года после этого трагического события, 18 сентября 1902 г. мать Смирновой М.С. Позерн напоминала об этом в письме супруге Горького Е.П. Пешковой: «В субботу 21-го будет 2 года... Вспомните меня, старуху, в этот день» (Архив А.М. Горького ИМЛИ РАН, ФЕП-кр 47-7-1).

Упомянутый в письме товарищ писателя, потерявший жену, – это самарский приятель и сослуживец Горького, сотрудник «Самарской газеты», общественный деятель, поэт, литератор и журналист, юрист по образованию – Александр Александрович Смирнов (псевдонимы А. Треплев, Аргунин). Посыпая его стихи в «Журнал для всех», Горький так охарактеризовал Смирнова в письме редактору этого журнала В.С. Миролюбову: «Это думский гласный, член библиотечного комитета, секретарь по постройке народного театра и т.д. – малый на все руки и хороший человек» [3, т. 1, с. 253]. Дарственные надписи Горького на книге «Молодая поэзия» (СПб., 1895): «Хорошему человеку А.А. Смирнову на память от Горького. Самара. Август 30, 1895» и на своем фотопортрете работы М.П. Дмитриева: «Ал.Ал. Смирнову от любящего его М. Горького. 1899, Август 15» – также свидетельствуют о его дружеском отношении к адресату (цит. по: [12, с. 390, 391]). Позже Смирнов неоднократно выступал с воспоминаниями и статьями о Горьком.

Итак, исследование архивных и библиотечных источников позволило установить, что Горький просил Васнецова о копии его иконы Богоматери для ее установки на могиле З.К. Смирновой в familialной часовне в Самаре. Никаких материалов, свидетельствующих об отклике Васнецова на эту просьбу, к сожалению, разыскать не удалось. Как уже было сказано, отношения писателя и художника вскоре были прерваны на долгие годы.

После революции 1917 г. Васнецов остался проживать в своем московском доме, хотя и вынужден был продать его новой власти. До конца жизни он получал от этой же власти государственную пенсию. Художник перестал писать иконы и картины на религиозные и исторические сюжеты, но продолжал много работать, сосредоточившись в основном на сказочных темах.

Обладая от природы большим общественным и политическим темпераментом, Васнецов продолжал, видимо, зорко следить за происходящим в его любимой России, знал о страшных бедах, постигших его родной народ. В 1921 году он узнал (видимо, из газет) о создании Всероссийского комитета помощи голодающим (Помгола) и об активном участии в этой

общественной инициативе Горького. 29 июня Горький официально внес на рассмотрение Политбюро ЦК РКП(б) предложение о создании комитета, а 21 июля ВЦИК утвердил его статус. Комитет возглавил Л.Б. Каменев, почетным председателем был избран В.Г. Короленко. Горький играл в деятельности комитета одну из ведущих ролей. Российская интеллигенция поначалу была вдохновлена этим, как ей казалось, искренним желанием большевистской власти пойти на встречу общественности и образовать с ней некую «спайку». Однако эти эфемерные надежды не оправдались. Уже через месяц, 27 августа 1921 г. Помгол по инициативе В.И. Ленина был распущен, многие его члены были арестованы и затем высланы за границу.

Получив известие о создании Помгола, Васнецов сразу же, несмотря на разделяющие его с Горьким двадцать лет молчания, обратился к нему с письмом, выражая тем самым одобрение гуманитарной работе писателя по спасению голодающего населения России и желая по мере сил принять в этом деле хотя бы косвенное участие. Это второе письмо Васнецова Горькому также не было ранее известно исследователям:

Дорогой и глубокоуважаемый Алексей Максимович.
Давно мы с Вами расстались и не видались, но в воспоминание наших прошлых добрых и сердечных отношений позволяю себе беспокоить Вас некоторой просьбой: мой хороший и близкий знакомый доктор Петр Иванович Чернецов едет по службе в Уфу и искренно желал бы посильнее послужить в помощи голодающим. Полагаю, что всякая личная энергия в великом деле помочи исстрадавшимся не лишняя, в особенности если она искрenna и от сердца, в чем я уверен безусловно – Уфа кажется особенно из пострадавших пунктов.

Итак, дорогой и добрый Алексей Максимович, примите от доброго искреннего человека посильную помощь в великом христианском деле, которому и Вы служите с такой могучей энергией.

От всей души желаю Вам успеха в добром и благом начинании, а Вам лично желаю здоровья и всякого счастья и душевного мира.

Всегда Вас помнящий и преданный Вам
Виктор Васнецов
Москва
1921 г. 23 июля (Архив А.М. Горького ИМЛИ РАН,
КГ-ди 2-10-2).

Мы не располагаем какими-либо сведениями о том, ответил ли Горький на это письмо и принял ли он помощь голодающим от доктора Чернецова. Судя по всему, художнику не удалось восстановить деловые или дружеские контакты с писателем. Ровно через пять лет после этого последнего обращения к Горькому, 23 июля 1926 г. Васнецов умер за работой в своей мастерской. Он

писал портрет своего давнего друга, художника М.В. Нестерова...

Подведем итоги проведенного исследования. Найденные документы (переписка Горького с Васнецовым), несмотря на их частный характер, поднимают глубинные вопросы человеческого бытия и человеческого духа, веры и религии. Кроме того, они свидетельствуют о глубоком идейном и политическом расколе российского общества, в том числе его художественной элиты, в преддверии будущих революционных событий.

Горький с молодых лет восхищался ярким талантом Васнецова-художника, пафосом его картин, воспевающих богатырскую мощь и несгибаемый дух русского народа. Васнецов тоже с большим интересом отнесся к еще молодому, но уже известному писателю – выходцу из народа. Но едва начавшаяся между ними переписка сразу выявила непреодолимую пропасть в их религиозных и общественно-политических взглядах. Особенно отчетливо это проявилось в отношении к национальному гению России – Льву Толстому и его конфликту с русской православной церковью. Поэтому дружеские отношения писателя и художника, начавшиеся весной 1900 г. с взаимной искренней симпатии, продлились недолго и уже осенью того же года были, судя по всему, прерваны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горький М. Собр. соч.: в 30 т. М.: ГИХЛ, 1949–1953.
2. Бродский И.А. От составителя // Горький и художники. Воспоминания. Переписка. Статьи. М.: Искусство, 1964. С. 5–14.
3. Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 1997–2022.
4. В.М. Васнецов: Письма. Дневники. Воспоминания. Суждения современников / Вступ. ст., сост. и примеч. Н.А. Ярославцевой. М.: Искусство, 1987. 496 с.
5. Горький и художники. Воспоминания. Переписка. Статьи. М.: Искусство, 1964. 384 с.
6. Современники А.М. Горького. Фотодокументы. Описание. М.: ИМЛИ РАН, 2002. 694 с.
7. Летопись жизни и творчества А.М. Горького. Вып. 1. М.: Изд. АН СССР, 1958. 720 с.
8. Чехов. – Литературное наследство. Т. 68. М.: Изд-во АН СССР, 1960. XIV, 974 с.
9. Примочкина Н.Н. Поэтика эксперимента: творчество М. Горького начала 1920-х гг. М.: Директ-Медиа, 2022. 320 с.

10. Чехов А.П. Полн. собр. соч. Письма: в 12 т. Т. 9. М.: Наука, 1980. 618 с.
11. Степанов А., Чесноков С. Участник право-монархического движения [Электронный ресурс] // www.hrono.ru/biograf/bio-we/vasnecov-vm.php (Дата обращения: 10 марта 2023 г.)
12. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. – Литературное наследство. Т. 70. М.: Изд-во АН СССР. 734 с.

REFERENCES

1. Gorky, M. *Sobr. soch.: v 30 vol.* [Collected Works: in 30 Vols.]. Moscow: GIHL Publ., 1949–1956. (In Russ.)
2. Brodsky, I.A. *Ot sostavителя* [From the Compiler]. *Gorky i hudozhniki. Vospominania. Perepisika. Statii* [Gorky and the Artists. Memories. Correspondence. Articles.]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1964, pp. 5–14. (In Russ.)
3. Gorky, M. *Poln. sobr. soch. Pisma: V 24 vol.* [Complete Collection of Works. Letters: in 24 Vols.]. Moscow: Nauka Publ., 1997–2022. (In Russ.)
4. V.M. Vasnetsov: *Pisma. Dnevniki. Vospominania. Sуждения современников, Вступ. ст., sost. i primech. N.A. Jaroslavcevoi* [V.M. Vasnetsov: Letters. The Diaries. Memories. Judgments of Contemporaries, Introductory Article, Comp. and Note by N.A. Yaroslavtseva]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1987. 496 p. (In Russ.)
5. *Gorky i hudozhniki. Vospominania. Perepisika. Statii* [Gorky and the Artists. Memories. Correspondence. Articles]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1964. 384 p. (In Russ.)
6. *Sovremenniki A.M. Gorkogo. Fotodokumenty. Opisanie* [Contemporaries of A.M. Gorky. Photo Documents]. Moscow: IWL RAS Publ., 2002. 694 p. (In Russ.)
7. *Letopis zhizni i tvorchestva A.M. Gorkogo*. [Chronicle of the Life and Work of A.M. Gorky]. Vyp. 1. Moscow: Izd-vo AN SSSR Publ., 1958. 720 p. (In Russ.)
8. Chekhov. – *Literaturnoe nasledstvo* [Chekhov. – Literary Heritage]. Vol. 68. Moscow: Izd-vo AN SSSR Publ., 1960. XIV, 974 p. (In Russ.)
9. Primochkina, N.N. *Poetika eksperimenta: tvorchestvo M. Gorkogo nachala 1920-h gg.* [Poetics of Experiment: The Work of M. Gorky in the Early 1920s]. Moscow: Direkt-Media Publ., 2022. 320 p. (In Russ.)
10. Chekhov, A.P. *Poln. sobr. soch. Pisma: v 12 vol.* [Complete Collection of Works. Letters: in 12 Vols.] Vol. 9. Moscow: Nauka Publ., 1980. 618 p. (In Russ.)
11. Stepanov, A., Chesnokov, S. *Uchastnik pravo-monarhicheskogo dvizheniya*. [Participant of the Right-Monarchist Movement]. URL: www.hrono.ru/biograf/bio-we/vasnecov-vm.php (Accessed March 10, 2023). (In Russ.)
12. *Gorky i sovetskie pisateli: Neizdannaia perepiska. Literaturnoe nasledstvo*. [Gorky and Soviet Writers: Unpublished Correspondence. Literary Heritage]. Vol. 70. Moscow: Izd-vo AN SSSR Publ., 1963. 734 p. (In Russ.)

*Дата поступления материала в редакцию: 9 декабря 2023 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 22 июля 2024 г.*

*Статья принята к публикации: 15 октября 2024 г.
Дата публикации: 31 декабря 2024 г.*

Received by Editor on December 9, 2023

Revised on July 22, 2024

Accepted on October 15, 2024

Date of publication: December 31, 2024